

Н.М. ТЕЛЕВИЧ

Интердисциплинарный подход: взаимообогащение или порабощение?

Междисциплинарные исследования давно уже стали нормальной практикой как в естественных, так и в общественных науках. Многие великие открытия совершаются именно на стыке разных областей знаний. Современную экономическую теорию невозможно представить себе без широкого использования математических методов исследования. Между тем проникновение математики в экономическую науку, начатое в первой половине XIX в. пионерами маржинального анализа И. фон Тюненом и А. Курно, не сразу встретило признание ученых-экономистов. Классическая политэкономия тогда еще далеко не сказала своего последнего слова, еще писались "Основания политической экономии" Дж. С. Милля, а до появления первого тома "Капитала" К. Маркса оставалось несколько десятилетий. Естественно, использование в экономической науке формул и графиков воспринималось большинством экономистов, мягко говоря, как странная причуда.

Однако в последней трети XIX в. математика прочно вошла в арсенал экономической теории. Формулирование маржиналистского метода на языке математики позволило охарактеризовать содержание экономической деятельности как проблему максимизации полезности, прибыли, размеров производства, дохода и т.д. Математический аппарат успешно использовали Л. Вальрас, У.С. Джевонс, Ф. Эджуорт, В. Парето, А. Маршалл. Правда, у этих авторов математика не шла дальше дифференциальных уравнений, а все функции неизменно предполагались дифференцируемыми и непрерывными. Уже в XX в. изучение количественной взаимосвязи экономических объектов и процессов с помощью математических и статистических методов и моделей выделилось в самостоятельную науку эконометрику.

Междисциплинарный метод исследования отстаивали представители исторической и новой исторической школ в Германии XIX в. Они категорически возражали против абстрактной модели "экономического человека" классической и неоклассической теории, все цели которого ограничиваются стремлением максимизировать выгоду либо полезность. В реальной жизни каждый индивид – не абстрактный человек-счетчик. Он – продукт определенной национальной культуры, которая сама является результатом длительного исторического развития. Поэтому для экономических исследований необходимо привлекать результаты, добытые другими общественными науками – психологией,

юриспруденцией, историей, этикой и т.д. Подобный же подход характерен для американского институционализма первых десятилетий XX в. Т. Веблен в своих теоретических построениях широко использует психологию, Дж. Коммонс – юриспруденцию. Т. Веблен также считал, что, поскольку предметом экономической науки является человеческая деятельность во всех ее проявлениях, необходимо изучать не только структуру и организацию хозяйственной жизни, но всю сферу общественных отношений. Такой холистический подход способствовал бы превращению экономической теории в подлинную науку об обществе. Попытки создания единой науки об обществе предпринимались К. Марксом и О. Контом.

Между тем, отпочковавшись в незапамятные времена от "матери всех наук" – философии, общественные науки образовали целое семейство. Развитие каждой науки закономерно сопровождалось ее специализацией, причем достаточно узкой., в процессе своей эволюции каждая стремилась как можно более четко очертить именно свой предмет, выработать свой особый набор понятий и методов анализа. С одной стороны, это способствовало более глубокому изучению именно данной области человеческой жизни, с другой – привело к тому, что между социальными науками выросли трудно проницаемые методологические перегородки, сформировался автономный язык общения, недоступный "непосвященным". Одни проблемы стали восприниматься как чисто "экономические", другие – как чисто "социологические", третьи – как чисто демографические, четвертые – как чисто "правовые", пятые – соответственно политологические и т.д. Таким образом, накопление научных знаний о едином предмете изучения – обществе, шло параллельными, редко пересекающимися путями.

В последние десятилетия XX в. в рамках новой институциональной теории весьма влиятельным стало направление, получившее название "экономический империализм", поставившее задачу сломать перегородки между общественными науками, преодолеть их сложившуюся раздробленность на основе единого подхода. Ядром нового течения стала группа ученых, которую сразу же окрестили акронимом "Чивирла" по начальным буквам трех ведущих научных центров, развивавших это направление – Чикагского университета (Дж. Стиглер, Р. Коуз, Г. Беккер), Вирджинского политехнического института (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок) и Лос-Анжелесского университета (А. Алчиан, Г. Демсец).

Уже само название этого научного направления (*imperium* – власть, господство (лат.)) указывает на неравноправие взаимодействующих сторон, раскрывает содержание нового методологического подхода к

междисциплинарным исследованиям. Если историческая и новая историческая школы Германии, а также ранний американский институционализм пытались подойти к анализу экономических явлений при помощи методов других наук об обществе, то "экономические империалисты" идут прямо противоположным путем – изучают правовые, политологические и многие другие проблемы общественных наук при помощи методов неоклассической экономической теории, с применением аппарата современной микроэкономики. Ключевые понятия экономической теории – редкость, издержки, предпочтения, выбор – приложимы практически к любым формам жизнедеятельности, а ее главные моделирующие принципы – оптимизация и равновесие – поддаются переносу на все без исключения социальные явления. Главный теоретик "экономического империализма" Г. Беккер прямо заявляет: "Я утверждаю, что экономический подход уникален по своей мощи, потому что он способен интегрировать множество разнообразных форм человеческого поведения" [1].

Ученые этого направления признают, что другие общественные дисциплины располагают собственными понятиями, наблюдениями и инструментами анализа. Но их "имперские" претензии проявляются в стремлении унифицировать все науки об обществе на основе неоклассической экономической теории. Ее аппарат используется для изучения таких вне рыночных явлений, как политическая жизнь, межрасовые отношения, преступность, семейные отношения, образование и т.д. Во всех сферах общественной жизни человек стремится вести себя рационально. Один из ведущих представителей "экономического империализма" Р. Познер утверждает: "Я нахожу неправдоподобной и противоречащей интуиции точку зрения, согласно которой принятия решения индивидуумом протекают настолько изолированно, что он будет вести себя рационально, совершая какие-то тривиальные покупки, но иррационально, решая такие вопросы, как поступление или непоступление в школу, заключение брака, уклонение от налогов, обзаведение тремя детьми вместо двух или возбуждение судебного иска" [2]. Т.е. империалистической является скорее не экономическая наука сама по себе, а лежащая в ее основе теория поведения.

Однако новая институциональная теория не слепо копирует методологию ортодоксальной неоклассики, но обогащает ее новым содержанием, делает более близкой к реальности. Методологические различия между ними можно свести к следующему:

Во-первых, неоклассическая модель рационального выбора предполагает два вида ограничений: физические, порожденные редкостью ресурсов, и технологические, отражающие уровень знаний и

практического мастерства. Все ресурсы распределены и находятся в частной собственности, факторы производства абсолютно мобильны, право собственности четко определено, транзакционные издержки равны нулю, все участники экономических процессов обладают совершенной информацией. Новая институциональная теория вводит еще один вид ограничений, обусловленных институциональной структурой общества: в реальном мире права собственности плохо определены, транзакционные издержки велики, риск и неопределенность достаточно высоки.

Во-вторых, неоклассики рассматривают экономического человека как сверхрациональное существо. Новая институциональная теория отмечает ограниченную рациональность и оппортунистическое поведение. Первая связана с ограниченностью человеческих знаний. Информация – ресурс дорогой, приобретение которого требует значительных усилий и времени. Поэтому хозяйствующие субъекты могут попытаться сэкономить на ее сборе и в силу этого обстоятельства принять решение, оптимальное не вообще, а представляющееся им таковым вследствие неполноты располагаемой ими информации. Оппортунистическое (*opportunus* – удобный, выгодный (лат.)) поведение – преследование собственного интереса, доходящее до вероломства. Оно опять-таки связано с неполнотой информации и проявляется в уклонении от выполнения взятых на себя обязательств в надежде, что это не будет обнаружено (неполное выполнение условий контракта). Для уменьшения отрицательных последствий ограниченной рациональности и оппортунистического поведения и необходимо существование институтов – традиций, обычае, правовых норм.

В-третьих, неоклассики рассматривают отдельные организации (домашние хозяйства, фирмы, государство) как отдельных субъектов экономических отношений. Поэтому они не изучают причины их существования, организационные формы, внутреннее устройство. Новая институциональная теория последовательно применяет принцип "методологического индивидуализма". Каждая конкретная организация состоит из коллектива людей, связанных долговременными интересами и работающих "одной командой". Поэтому ученые этого направления большое внимание уделяют отношениям, складывающимся внутри организаций.

В-четвертых, классики и неоклассики рассматривают "экономического человека" как разумного эгоиста. Новая институциональная теория считает, что человек может преследовать своекорыстные интересы и вне сферы экономики (например, в политике), но может выступать и альтруистом (например, в семье). И в этих случаях также работает модель рационального выбора.

Таким образом, в методологическом плане новая институциональная теория исходит из следующих фундаментальных предпосылок: в отличие от неоклассиков, она придает большое значение социальным институтам; в отличие от "старых" институционалистов, она считает, что общественные институты можно анализировать с помощью стандартных инструментов неоклассической теории.

Плодотворность этого подхода проявилась в возникновении новых отраслей научного знания: теории общественного выбора, теории экономических организаций, экономики права (теории прав собственности), теории человеческого капитала, экономической теории преступности, экономики семьи, клиометрики и т.д. По многим из этих направлений уже давно издаются специальные журналы, читаются курсы в университетах. Их выводы используются при вынесении судебных решений, совершенствовании системы образования, реформы системы судебных наказаний. Признанием заслуг этого направления явилось присуждение Нобелевской премии по экономике таким видным его представителям, как Герберт Саймон (1978), Джордж Стиглер (1982), Джеймс Бьюкенен (1986), Рональд Коуз (1991), Гэри Беккер (1992), Даглас Норт (1993).

Однако следует обратить внимание, что при использовании междисциплинарного подхода важно соблюсти меру, иначе вместо взаимообогащения это может привести к вытеснению, к подмене одних наук другими. В этой связи уместно вспомнить замечание широко использовавшего в своих произведениях математический аппарат А. Маршалла. Он предупреждал, что "хорошее математическое изложение экономических явлений вполне может оказаться хорошей математикой, но плохой экономикой" [3]. По мнению А. Маршалла, использование математики – это лишь род стенографии, а сделанные с ее помощью записи всегда должны быть переведены на английский язык. И если данное положение по-прежнему не ясно, то надо сжечь его математическое выражение; если же и это не помогает прояснению вопроса, то надо выбросить и перевод. Главным недостатком математического метода в экономике он считал его механистичность; в отличие от органических понятий, он не способен выразить ту идею, что экономика – это в сущности процесс. Погоня за изяществом математических формул в экономической науке может вырождаться в шахматную игру. И польза от нее будет примерно такой же, как от шахмат [4].

Чрезвычайно интересный, имеющий множество достоинств подход "экономического империализма" тем не менее уже обнаружил целый ряд "провалов". В связи с этим он подвергся критике как со стороны собратьев по институциональному течению – Д. Гамильтона,

Р. Хейлбронера, Дж. К. Гэлбрейта, так и со стороны представителей других общественных наук. Критика первых направлена против идеологической нейтральности анализа, фактически оправдывающего существование статус-кво. Вторые же опасаются, что "колонизация" других общественных наук со стороны экономистов приведет к вытеснению их собственной методологии, вместо обогащения – к их обеднению. В качестве печального примера приводится клиометрика, утратившая свой исторический метод. Теория общественного выбора, обосновавшая принципы рационального обскурантизма и абсентеизма, в рамках экономического подхода к политике не может тем не менее объяснить, почему люди все-таки участвуют в выборах. Почему, зная, что голос одного человека все равно ничего не решает, многие склонны отстаивать свои политические убеждения, подвергаясь репрессиям и даже рискуя жизнью? Очевидно, политическая атмосфера, основные движущие мотивы и цели общества слишком сложны, чтобы сводить их как к математическим уравнениям и графикам, так и к категориям и принципам пусть даже самой лучшей экономической теории.

Однако даже при том, что претензии "экономического империализма" на изобретение универсального метода изучения общества представляются чрезмерными, нельзя не согласиться с тем, что он придал некоторый динамизм развитию общественных наук. С другой стороны, возможно и обратное воздействие междисциплинарного подхода, которое потребует углубления и переосмысления основ самой экономической теории.

Литература

1. Беккер Г.С. Экономический анализ и человеческое поведение. // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 26.
2. Цитируется по: Капелюшников Р. В наступлении – homo oeconomicus/ – "МЭ и МО". 1989. № 4. С. 143.
3. Цитируется по: Селигмен Б.Б. Основные течения современной экономической мысли. – М.: Изд. "Прогресс", 1968. С. 302.
4. Там же. С. 75.